
ТО, ЧТО ЧАСТО ЗАБЫВАЕТСЯ...¹

СОРОКИН Питирим, крупнейший социолог XX века (1889 – 1968)

«Люди, люди - это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только веками выделяются, ну, а на века надо время».
Достоевский

Много сейчас думают, говорят и спорят о способах возрождения России и русского народа. Сотни людей предлагают «патентованные», быстро и магически действующие рецепты. Их много и один лучше другого. Самыми ходячими являются: «Учредительное Собрание», «Республика», «Монархия», «Диктатура», «Демократические формы правления», «Капитализм», «Социализм», «Патриарх и православная вера» и т. д. Каждый из предлагающих верит сам и уверяет других в чудодейственной силе своего рецепта. «Стоит ввести его и... возрождение России автоматически выскочит».

Признаюсь, за эти годы я стал большим скептиком. Не верю больше ни в какие чудодейственные лекарства и рецепты. Не хожу не только к обычным хиромантам и магнетизерам, но и к «хиромантам», «оккультистам» и «гипнотизерам» политическим. Знаю, что чудодейственных лекарств для русской болезни нет. Одними пилюлями ее не вылечишь. Вижу и другой грех этих «рецептов». Почти все они предлагают «наружные» лекарства. Хотят лечить болезнь «фасонами социального костюма». Такой «грех» — обычен для всех наших политических партий. Все они обращали главное внимание на «фасон костюма» больного, а не на самый организм последнего. Сама личность, состояние ее организма, культивирование и лечение ее недостатков «изнутри» у нас всегда было на втором плане. Говоря иначе, мы заботились всегда о передовом фасаде нашего социального здания (форма правления и т. д.), и мало занимались его внутренним строением, и особенно — его жильцами. Не думали, что от жильцов зависит чистота и благоустройство жилища. Мало думаем об этом и сейчас. Потому-то я и считаю полезным обратить внимание на эту сторону дела. «Болезнь русского народа — не столько внешняя, сколько внутренняя». Она связана с самим существом, с самой природой его членов. Раз мы хотим лечить ее — надо направить наше внимание и силы прежде всего сюда. «Фасоны костюма» русского общества значение имеют, но второстепенное и ограниченное. «Люди, люди — это самое главное». От них зависит, превратят ли они подаренный им судьбою дворец в «свинарник», или простую хижину — в чистое и благоустроенное жилище. Вот почему я полагаю необходимым концентрировать внимание на людях. Перед нами задача: *прочное возрождение России и русского народа, длительное увеличение его материального и духовного благосостояния. Спрашивается: что для этого нужно сделать* — таково конкретное задание. Попробуем его решить, избегая всяких чудесных быстродействующих рецептов. Их нет в научной медицине, нет их и в социальной медицине.

Первое положение, которое следует запомнить, гласит: устройство любого общества, совершенство его социальной жизни, духовное и материальное процветание, и, наконец, его исторические судьбы, зависят прежде всего от природы, свойств и поведения членов этого

¹ Печатается по: Сорокин П.А. Социология революции. – М.: ИД «Территория будущего», РОССПЭН, 2005.

общества. Из дурного материала хорошего здания не построишь. Из идиотов и мерзавцев здорового общества не создашь.

Второе положение. Природа, свойства и поведение как индивида, так и целого общества, представляют следствие двух основных причин: а) наследственности и б) среды, в которой они родились, выросли и живут.

* * *

Наши политики и социологи слишком мало внимания обращают на наследственные свойства. Они думали, что «среда» имеет решающую роль, что достаточно ее изменить, и даже не всю, а маленькую часть ее, напр[имер], политический режим или хозяйственные основы, чтобы тем самым изменились поведение и природа людей. Между тем, данные биологии, особенно последних лет, и данные социологии заставляют держаться, скорее, обратного мнения. Они гласят: *в своих свойствах, в своей одаренности или неодаренности как человек, так и целый народ, зависят прежде всего и больше всего от наследственно полученных качеств, а среда имеет лишь второстепенное значение.* Она играет роль фактора, облегчающего или тормозящего реализации этих свойств. Если у человека или целого народа нет положительных, наследственно полученных даров — никакая среда не может сделать их талантливыми или выдающимися по своим свойствам. Они неизбежно будут отставать от более одаренных наследственно лиц и групп, *находящихся в таких же условиях.* И обратно, в дурной, тормозящей среде, наследственно одаренный Ньютон будет все же на десять голов выше, чем наследственно неодаренные люди. Отсюда понятно, почему «гениями и талантами» рождаются, а не делаются. Исследования Гальтона и его школы нам показали это. Понятно также, почему люди, напр[имер], многие члены аристократии, родившиеся и воспитывавшиеся в исключительно благоприятной обстановке, не могут подняться выше уровня посредственности: нет «наследственного пороха». И обратно, почему люди, родившиеся в самой тормозящей среде, напр[имер], Ломоносов, Карнеги, Линкольн и множество других «самородков», преодолевают «тормоза» и делаются великими. «Наследственность» их вывозит. Наконец, сказанное объясняет и факт различной одаренности различных народов и их историю. Если, по подсчетам того же Гальтона, один гений в английском населении приходится на 1 миллион людей, у древних греков он приходился на 4000 с небольшим, а у негров на много миллионов нет совсем гения, то причина этого различия лежит, главным образом, в различных наследственных свойствах этих народов, а не в среде. С этой точки зрения история любого народа есть следствие, прежде всего, того «наследственного фонда» качеств, которые он имел, и которые в нем передаются из поколения в поколение. Если они не блестящи, не ищите блеска от историй данного народа. Если в истории выдающегося народа обнаруживаются резкие изменения, напр[имер], наступает декаданс, посмотрите, не произошло ли иссякание этого «биологического фонда», не случилась ли замена «хорошей крови» «дурной», носителей положительных расовых свойств — иными, второстепенными. История декаданса Греции, Рима, ряда государств Ислама и т. д. дает подтверждение этому. И обратно, если происходит в истории народа неожиданный расцвет, — посмотрите, не улучшился ли в силу каких-либо причин состав его «биологического» фонда. Проф. Starch, подводя итоги достижениям науки в этой области, дает такие индексы сравнительной роли наследственности и среды: в свойствах любого человека или группы наследственности принадлежит 60-90%, среде 40-10%. Если эти цифры несколько и преувеличены в пользу наследственности, то не очень много. 60% мы можем принять как величину, близкую к истине. От «наследственного фонда» зависит рост, сложение, сила, здоровье и целый ряд других антропосоматических свойств народа, от него же зависят и его «духовные» качества: воля, темперамент, навыки, склонности и умственная одаренность.

Вот почему *вопрос о будущем русского народа есть прежде всего вопрос о качестве того «биологически-наследственного» фонда, которым он владел и владеет. Проблема его возрождения есть прежде всего проблема улучшения и обогащения этого «фонда».* Остановимся кратко на этом пункте.

Оглядываясь на историю русского народа и его культуры, я должен признать «биологический фонд» наших предков вполне удовлетворительным. Об этом говорит, прежде всего, самый факт создания России, занимавшей 1/6 [часть] Земли. Создать такое огромное государство, держать его части замиренными, поддерживать порядок, развивать культуру народ с бедным «биологическим фондом» не мог бы. Об этом же говорит и история русской культуры, которую, без ложной скромности, мы имеем право считать весьма большой общечеловеческой ценностью. Об этом же говорят и имена наших великих поэтов, художников, композиторов, писателей, ученых, мыслителей, среди которых немало звезд «первой величины». Короче, мы не были обделенными «пасынками истории». Больше того, если учесть тот факт, что мы щедрее других народов тратили этот «биологический фонд», и все же до 1914 г. жили, развивались и особенно быстро за конец 19 и начало 20 века², то можно было бы быть вполне спокойным за будущее русского народа.

Годы войны и годы революции, однако, положение резко ухудшили. Они нанесли колоссальный урон, прежде всего, этому «биологическому фонду» русского народа. Не разрушение нашего хозяйства, не количественная убыль населения (21 миллион), не расстройство духовной жизни и даже не общее «одичание и озверение» народа являются главным ущербом, причиненным нам войной и революцией (все это поправимо и возместимо), а указанное истощение нашего «биологического фонда», в форме убийства его лучших носителей.

Дело в следующем. Любая длительная и тяжелая война, в особенности же гражданская, всегда уносит с поля жизни «лучших» — биологически, психически и социально — людей; наиболее здоровых, наиболее трудоспособных; наиболее моральных, волевых, энергичных и наиболее одаренных умственно³. Она — орудие отбора шиворот-навыворот. Процент гибели таких «лучших» в эпохи войн и революций всегда гораздо выше, чем процент гибели «рядовых» людей, и тем выше, чем длительнее и опустошительнее война, чем глубже и кровавее революция. Они пожирают, прежде всего, наиболее выдающихся людей, каковых не много среди населения. Если население России с 1914 по 1920 г. уменьшилось на 13,6%, то наиболее здоровые и трудоспособные слои от 16 до 50 лет потеряли 20%, а мужчины — 28%.

Если Азиатская Россия и население ее инородцев потеряло 1/30 часть, то население Великороссии — создатель, центр и опора государства — потеряло 1/7 часть. Если общая смертность населения в Петрограде и Москве поднялась в 3 раза по сравнению с нормальным временем, то смертность ученых поднялась в 5-6 раз. Если у нас лиц с университетским образованием приходилось едва ли не более 200-300 на 1 миллион населения, то погибло их не $200 \times 21 = 4200$, а в пять-шесть раз больше. «Уникумов» же нации, выдающихся ученых, поэтов, мыслителей, мы потеряли в громадном масштабе (А.С. Лаппо-Данилевский, Шахматов, Тураев, Ковалевский, Овсянико-Куликовский, Блок, Л. Андреев, Туган-Барановский, Марков, Хвостов, Иностранцев, Е. Трубецкой и т. д., и т. д.). Словом, данные годы «обескровили» нас самым кардинальным образом в отношении наших «лучших» людей. Это было бы еще полбеда. Но беда в том, что, унеся преимущественно эти лучшие элементы, война и революция унесли в их лице «лучших производителей», носителей «лучших расовых свойств народа», его положительного «биологического фонда», «лучшие семена». Они погибли безвозвратно. Место их, в качестве «производителей», займут «второсортные люди», «худшие семена, которые в общем могут дать и худшую

² Именно за это время Россия, как государство, превратилась в подлинно великую державу, финансы были приведены в блестящее состояние, промышленность встала на ноги, образование народа прогрессировало, экономическое благосостояние народа - также. Падали постепенно правовые и др[угие] ограничения. Росла кооперация и т. д.

³ См. доказательства этих положений в моей статье «Влияние войны на состав, свойства населения и обществ[енную] организацию» (Экономист. № 1, 1922).

жату». Это — большая беда. Она была бедой всей нашей истории. Мы были и остаемся милитарным народом, постоянно воюющим и мотовски тратящим наших лучших людей. По данным Mulhall'a, с 1828 по 1880 г. мы потеряли убитыми 664 000 человек — цифра, превосходящая все военные потери Европы за эти годы. В отдельные периоды, как, например при Петре и в наши годы, это безумное расходование нашего «биологического фонда» принимало поистине сумасшедший размах. Народ с бедным «биологическим фондом» при такой трате давно уже должен был бы сойти со сцены истории. И, однако, до сих пор мы держались, хотя и отставали от ряда других народов.

Объяснение этому, по-видимому, надо искать в богатстве нашего «биологического фонда». Но всему есть предел. Римляне и греки были еще богаче нас в отношении их «биологического фонда». Но безрассудное расходование «лучших» в течение их истории, особенно в период греко-персидских и Пелопонесской войн в Греции, Карфагенских войн и гражданских междоусобиц в Риме, окончательно истощили их «лучшую кровь», произошла замена первосортного человеческого материала второсортными людьми и их потомками — и блестящая звезда этих народов стала закатываться. Чем быстрее шла замена, — тем быстрее стал темп заката, закончившийся гибелью этих великих народов. Возьмите далее, хотя бы историю целого ряда государств Ислама. Свежий народ, столь блестяще выступивший на сцену истории, в течение двух-трех веков истощил себя непрерывными войнами и тем определил свою гибель.

Эти факты, число которых можно было бы увеличить большим количеством других, вместе с данными биологии, дают нам грозное предостережение. Если последние годы не истощили окончательно положительный «биологический фонд» русского народа, то *основное средство нашего возрождения должно состоять во всемерном сохранении и увеличении его путем содействия выживанию и размножению «лучших» за счет «второсортного» человеческого материала.* Это — *conditio sine qua* поп⁴ возрождения. Как решить эту задачу? Разными путями. Пути обычной «евгеники», способные дать кой-какие результаты у других народов, у нас при низкой культурности в ближайшее время едва ли будут иметь серьезное значение. Евгенические же меры, основываемые на голом полицейском принуждении, напр[имер], запрещение браков чахоточных, сифилитиков, душевнобольных, запрещение иметь им детей, принудительная кастрация биологически и психически дефективных лиц с этою же целью и т. д., — все это, помимо принципиальной неприемлемости таких мер, практически никогда не давало значительных положительных результатов, в русских же условиях оно ничего, кроме вопиющего безобразия, дать не может.

Что же остается делать? Прекратить дальнейшую массовую трату положительного нашего «биологического фонда», прекратить массовый военный отбор шиворот-навыворот, непрерывно шедший в нашей истории. Мир, длительный мир, — внешний и внутренний — вот одно из самых серьезных и сильнодействующих средств улучшения нашего населения и увеличения положительного «биологического фонда».

Длительный мир означает прекращение селекции шиворот-навыворот, сохранение «лучших» и их размножение, вытеснение ими с «передовых» постов общества «второсортных» людей, а их потомством — потомства последних, словом, мир ведет к сохранению и обогащению нашего «биологического фонда» — этой альфы и омеги прогресса и расцвета любого народа. Здесь мы должны учесть рядом с приведенными выше и прямые «опыты истории». Мы удивляемся быстрому развитию, внезапному пробуждению

⁴ Цитата из стихотворения А.С. Пушкина «Бесы»(1830):

Сколько их! Куда их гонят!

Что так жалобно поют?

Домового ли хоронят,

Ведьму ль замуж выдают?

(Пушкин А.С. Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 2. - М., 1981. - С. 180).

Японии. Приняв во внимание сказанное, мы перестанем удивляться. Триста лет тому назад она была разоренной, разрушенной междоусобицами страной, более несчастной, чем мы теперь. Такой с виду она оставалась долго, с тем различием, что в ней исчезли войны. 250 лет она не восвала (период «великого мира» в эпоху сёгуна из Токугавы). 250 лет она «копила» лучшие элементы и усиливала свой «биологический фонд». Срок был большой. Мудрено ли, что и результаты такой «евгеники» оказались небывальными. В 20-30 лет эти «лучшие» из дикарей стали цивилизованными, в полстолетия из неведомой, дикой страны Япония выросла в великую мирную державу, невероятно быстро развивающуюся во всех отношениях и теперь угрожающую нам на Востоке. Учтите, далее, быстрый рост Соединенных] Штатов Америки, на протяжении своей истории знавших лишь две серьезные войны и то не очень кровопролитные. Учтя это, вы поймете одну из причин их расцвета. Наконец, возьмите историю конца 19-го и начала 20-го века в России. Маленькая передышка мира, данная нам историей при Александре-Миротворце, — и та сказалась у нас лихорадочным развитием России в этот период во всех отношениях: в экономическом, духовном и политическом. Если бы и теперь история подарила нам 100-200 лет мирной жизни — за будущее русского народа можно быть покойным, каков бы ни был наш политический режим. Если же нас ждут новые кровавые войны во имя чего угодно, начиная с «единой и неделимой» и кончая «интернационалом», — за это будущее можно очень и очень опасаться. Еще одно-два кровопускания, подобные пережитым, и... историю России можно считать конченной. Никакие «режимы», никакая «вера», никакие «реформы» ее не спасут в этих условиях...

Рядом с этой мерой мыслимы, конечно, вспомогательные меры, преследующие ту же цель улучшения нашего «биологического фонда»: ряд мер, рекомендуемых евгеникой, содействие размножению «лучших», привлечение их даже из других стран, при условии их ассимиляции, «обрусения», умелое и не задевающее достоинства человека торможение размножения дефективных лиц и т. п., но это все будет иметь лишь второстепенное значение. Главное — «мир». Вот почему я голосовал бы за монархию (*horribile dictu*), если бы знал, что она даст этот «мир», и против архидемократической республики, если бы знал, что она ведет к войнам. Но этого я не знаю. Полагаю даже, что последняя вернее поведет к миру. Этим «парадоксом» подчеркиваю лишь ту мысль, что дело не в одних этих «костюмах», а в вещах иных, менее эффектных, но бесконечно более серьезных. Прежде всего — в накоплении и улучшении положительного наследственного биологического фонда русского народа. Будет он — остальное приложится. Не будет его — не спасет ничто.

Сохранение и развитие положительного «биологического фонда» есть основное и необходимое условие возрождения любого народа, в частности России. Но, естественно, дело им не исчерпывается. Прирожденный Ньютон, родившийся и выросший в среде готтентотов, будет выдающимся готтентотом, но не будет мировым Ньютоном. Неблагоприятная среда, в виде ее невежества и косности ее тираний, может «заесть», «затормозить» развертывание прирожденных способностей, их реализацию. И обратно, соприкосновение японцев с европейской культурой позволило им воспользоваться ее достижениями, перенять и быстро превратить свои «потенциальные» силы в кинетические. Без этого благоприятного условия нужны были бы столетия, чтобы достигнуть ее современного состояния. Отсюда следует, что имеет значение и среда, но тогда, когда налицо уже есть «биологический фонд». *Третье положение, отсюда вытекающее, гласит: среда должна быть такова, чтобы она максимально благоприятствовала проявлению и развитию способностей и форм поведения каждого члена, полезных для целого, и максимально тормозила бы проявление и рост актов социально вредных.*

Когда такой среды нет — множество блестящих способностей может погибнуть «зря». Они останутся «нереализованными». В других случаях они могут быть искаженными и проявятся в нелепой или социально вредной форме. В-третьих, при отсутствии в среде тормозов, задерживающих социально вредные акты, могут разрастись последние и сильно деградировать всю социальную жизнь.

В данной формулировке теорема слишком общая и неопределенная. Необходимо ее хотя бы частично конкретизировать. Попробуем это сделать...

Максимальное благоприятствование среды развертыванию наследственно полученных способностей означает: во-первых, *возможность полного развития индивидуальности каждого человека, во-вторых, социального использовать каждой личности именно в той области, к которой она наиболее пригодна по своим наследственным свойствам.*

Первая задача сводится к тому, чтобы в среде отсутствовали тормоза, мешающие этому развитию, с другой — даны были стимулы, побуждающие индивида с первых лет его жизни к активному проявлению своей индивидуальности. Наличие тормозов будет душить, гасить, депрессировать силы и способности личности. Она не сможет тогда выявить все свои «десять талантов» и реализует только пять или один. Если это явление будет общим, то в проигрыше останется не только сама личность, но и все общество. Такими тормозами могут быть разные условия. Во-первых, экономические: нужда и голод. Они ведут к депрессированию физических и умственных способностей и сил человека. Во-вторых, общие условия социальной жизни, напр[имер], деспотизм общества или власти, преследующий развитие личности: общее невежество и косность среды, не только не снабжающей личность всеми теми средствами, которые необходимы для полного развития индивидуальности (знания, навыки, материальный минимум), но прямо подавляющие всякую личную инициативу, личный почин, личное творчество, связывающие человека по рукам и по ногам. Такое общество будет поистине обществом, убивающим и ограбляющим не только своих членов, но и себя самого. Примерами его могут служить все настоящие деспотические (не по политическим формам только, но по всей структуре социальной жизни) общества, одним из коих является РСФСР. Все, не соответствующее официальным требованиям, здесь давится, душится. Свободы проявления индивидуальности нет, людей — и особенно молодое поколение — пытаются штамповать по одному фасону, формировать по одному типу, отклонения от него не допускаются. В итоге 90% талантов не могут проявить себя. Они гибнут понапрасну, «отцветают, не расцветши». Лучший способ ограбления обществом самого себя трудно выдумать.

Вывод отсюда: *в каждом обществе, желающем процветать, должны быть удалены все тормоза, препятствующие полному развитию индивидуальности, кроме тех, которые тормозят проявление и развитие преступных и антисоциальных поступков. Молодому поколению, вступающему в жизнь, должен быть предоставлен простор для выявления своих способностей и средства (материальные и духовные), снабжающие его орудиями для творчества и социально полезной деятельности.*

Практически это сводится: 1) к минимальной опеке и вмешательству властей в жизнь населения, 2) к минимальной опеке старшими молодого поколения (кроме областей антисоциального поведения), 3) максимально возможному обеспечению населения и особенно молодого поколения знаниями, полезными навыками и материальными условиями (хлеб, пища, одежда, жилище), делающими для них возможным полное проявление своих способностей. Таковы «негативные» требования к среде.

* * *

Не менее важное значение имеют и «положительные» требования к ней. Они сводятся к тому, чтобы *всей своей обстановкой она ежедневно и непрерывно стимулировала максимальное проявление воли, энергии, труда, знаний, способностей (кроме антисоциальных) каждой личности, начиная с первых лет ее жизни.* Только тогда, когда человек с малых лет привык к самостоятельности, он будет самостоятельным, энергичным и инициативным в зрелости. Только тогда, когда большинство членов общества будет таким, в нем будет действительное самоуправление, действительная «свобода», действительная интенсивная духовная, политическая и экономическая жизнь. Вне таких условий — все это невозможно. Дайте обществу, состоящему из людей противоположного характера, лучшую конституцию, самые широкие свободы, простор его самодеятельности, и.... из всего этого мало что получится. Первый ветер истории, первая кучка проходимцев вырвет из его рук эти

свободы, сведет на «нет» конституцию, аннулирует автономию, и оно останется при старом «разбитом корыте».

*С этой точки зрения особо важное значение имеет та человеческая среда, которая окружает личность в первые годы ее жизни*⁵.

В эти первые годы закладываются основы будущей личности, формируются ее тип и характер. Кем? — Средой, «соседями» и прежде всего *семьей*. Не семья ли является той первой фабрикой, куда поступает вновь родившийся для переработки? Не она ли первый скульптор, формирующий биологическую особь в будущего соотечественника? Не она ли проводит первые и неизгладимые черты на «чистой доске» наследственных способностей человека? Формирующая и определяющая роль ее гораздо важнее, чем всех других школ и общественных учреждений. В последние человек поступает уже в известной мере готовым, сформированным, в семью — наоборот — мягким, как воск. В лоне последней он впервые дышит, чувствует и учится. Семья «прививает» ему первые формы поведения, навыков, привычек, знаний, убеждений, остающихся иногда на всю жизнь. *Ceteris paribus*, какова эта мастерская формирования людей — таковым в значительной мере будет и ее товар: люди, выпускаемые на житейский базар. Плоха будет первая — неважными в общем будут и вторые.

Вот почему *вопрос обустройстве семьи для меня гораздо важнее, чем вопрос о формах правления*. При плохой организации первой и плохой наследственности невозможны ни совершенное устройство общества, ни здоровая общественная жизнь, ни совершенная политическая система. Если же при хорошей наследственности и семья будет организована надлежащим образом — будьте спокойны, такие люди сумеют создать и хорошо устроенное общество. Учитывая это, я не могу не удивляться множеству русских людей, которые «весь корень зла» или «якорь спасения» видят только в политической системе. Многие из них горячо «борются за свободу», «занимаются высокой политикой» и в то же время имеют из рук вон плохую семью, где их же дети портятся, где сами же они приготавливают прескверных граждан и тем самым наносят гораздо больше вреда, чем приносят пользы своей «борьбой за свободу» и «высокой политикой». Оздоровление «семейного тыла» общества имеет гораздо большее значение, чем ему придают обычно.

Великий социолог Ле Пле и его школа поняли это и доказали нам. Исследуя типы семьи у разных народов и типы их социальной организации, они вскрыли связь первых со вторыми. С точки зрения воспитательного механизма можно выделить три основных типа семьи. 1) Семья *патриархальная*, воспитывающая молодые поколения для жизни в общине или в коммуне. Здесь весь уклад семейного воспитания таков, что он давит всякую индивидуальность, всякую инициативу личности, дрессирует ее жить, «как все», думать, верить, мыслить и действовать по «обычаю», «как поступали отцы», приучает ее полагаться не на себя, не на свои знания, труд, энергию и волю, а на «общину», на «мир», на «коммуну». Заслуги личности — заслуги общины, преступления ее — вина общины. Жизнь индивида вся регламентирована, опекается на каждом шагу, все индивидуальное — душится. Личный стимул подавляется. Из лона такой семьи выходят личности без воли, без инициативы, без самостоятельности, «серые», как все, привыкшие во всем вести себя по общей норме. Народы, имеющие такой тип семьи, — это отсталые, вялые, лениво-апатичные народы Востока, Азии и Вост[очной] Европы. При столкновении с народами, имеющими иной тип семьи, они побеждаются.

Второй тип семьи — это семья *ложноиндивидуалистическая*. Устройство ее таково, что всем своим укладом она приучает молодые поколения полагаться в жизни не на себя и не на общину, а на государство. Она готовит будущих «чиновников государства», которые должны занять одно из многочисленных мест, имеющих в распоряжении последнего. Сообразно с этим, все воспитание здесь ведется применительно к официальным программам. Задача его

⁵ См. на этот счет дельные положения у Ch. H. Cooley: *Social organisation*, гл. III-V.

— выдержать официальный экзамен, получить диплом и... «тихо и плавно качаться» в качестве чиновника. В людях при такой системе не воспитывается ни инициатива, ни подчинение авторитету. Получаются люди неустойчивые, не подлинно инициативные, а бумажные формалисты, «чиновники». И общество, имеющее такой тип семьи, общество неустойчивое. Оно будет неизбежно обществом «бюрократическим», с централизацией, с обширным объемом вмешательства власти, с разбухшим государственным аппаратом, и с поглощением личности государством. Такой тип семьи существует в большинстве европейских государств, кроме англосаксонских и скандинавских стран.

Третий тип семьи — *семья индивидуалистическая*. Ее уклад таков, что с малых лет она приучает молодые поколения полагаться только на себя, свои знания, волю и энергию. Здесь обучают детей тому, что им действительно понадобится в жизни (а не тому, что требует «община» или «государство»). Развитию индивидуальности, личной инициативе дается простор. С детьми с самых ранних лет обращаются, как со взрослыми. Признают за ними права, но требуют и исполнения обязанностей. И дети знают, что в будущей своей жизни они могут рассчитывать только на себя. Из лона такой семьи выходят индивиды сильные, инициативные, энергичные. Народы, имеющие такой тип семьи, — победители других народов. В таком обществе на первом плане личность. Государственный аппарат не поглощает общества. Бюрократизм не царствует. Всем и вся управляет общественное мнение — мнение членов общества, а не чиновничество. Такой тип семьи дан в англосаксонских и скандинавских странах. Мудрено ли поэтому, что «если превосходство англосаксов не провозглашается открыто, то оно несомненно чувствуется всеми... На всем земном шаре мы видим гордо развивающийся английский флаг. Из Канады и Соединенных Штатов они повелевают Америкой, из Индии диктуют свою волю Азии, из Австралии господствуют над Океанией, наконец, вершат дела Европы и всего мира»⁶.

Один из основных источников такого превосходства — организация семьи индивидуалистического типа, выпускающей на житейский базар хорошо сформированных людей.

Семья русская по своему типу занимает среднюю линию между семьей патриархальной и ложноиндивидуалистической. Молодые поколения в ней воспитывались или как будущие чиновники государства, или как «общинники», члены «мира», обязанные во всем походить на него и считаться с ним. Индивидуальности и личной инициативе не давалось простора⁷.

С октябрьской революции, если не в семье, то в государстве, это подавление личности приняло безграничный характер. Всех захотели штамповать по одному образцу, индивидуализму была объявлена война, личному почину и интересу — также, самостоятельность поведения, слов, мысли и дел возведена в преступление, люди превращены в манекены, общество — в казарму. Все и вся было взято под «учет», опеку и регулировку централизованной власти. Результаты тут же сказались:

полный распад всей хозяйственной жизни, разложение общества, упадок просвещения, нравов и всей духовной жизни — таков был результат коммунистического удушения личности.

Если мы хотим возродиться и стать здоровым народом, нам необходимо перестроить весь уклад семьи, как воспитателя молодых поколений, на индивидуалистический лад. Задача эта достигается не декретами, и не политическим режимом, а самостоятельностью самих граждан. Для ее достижений нет внешних препятствий. Она лежит в пределах компетенции каждого «отца» и каждой «матери».

В таком же *индивидуалистическом направлении должна быть перекроена и вся социальная жизнь.* Каждый институт общества должен постоянно стимулировать личный почин, личную инициативу, энергию и волю индивида. Это относится и к школе, и к

⁶ Демолен. Аристократ [ическая] раса. СПб., 1906. С. 1-4, 58-59.

⁷ Подробнее об этом см.: Сорокин П. Система социологии. Т. II. С. 115-116.

партиям⁸, и ко всем обществам, союзам, ассоциациям, органам управления и самоуправления. Здесь не место подробно перечислять все эти институты и анализировать их механизм. Все сказанное о семье с соответственными изменениями применимо и ко всем им. Тот же принцип должен лежать в основе всей социальной жизни. *Максимальный простор полному раскрытию личности, личному почину, личному интересу (кроме чисто антисоциальных наклонностей) во всех областях поведения - в экономической и духовной - таково основное условие возрождения.* Без него мы не получим настоящих людей, а без последних — не будем иметь и настоящего общества.

Всякие рогатки в форме опеки сверху, в форме вмешательства властей в поведение населения, в форме диктатур правых и левых, в форме гипертрофического ограничения частной собственности, национализации и реквизиции — все это сейчас смертельно вредно. Когда на очереди стоит основная задача хозяйственного и духовного возрождения страны — всякое «ущемление» индивидуальности и личных стимулов «смерти подобно». Я знаю, что безграничный разлив стихий личного интереса имеет свои «тени». Но в моменты, подобные настоящим, лучше перегнуть палку в эту сторону, чем в обратную. Наш опыт и аналогичные опыты истории учат, что эпохи хозяйственного подъема народа были в то же время и периодами торжества индивидуального почина и интереса. И обратно, эпохи упадка были эпохами ущемления последних, уравнивания, передела и «обобществления». Раз такова причинная связь — глупо ее не учитывать и безрассудно не делать из нее надлежащих выводов.

* * *

Настаивая на максимально возможном удалении барьеров среды, стесняющих развитие личности и ее свойств, я в то же время указывал на *необходимость тормозов, препятствующих развитию преступных и явно антисоциальных тенденций.* Вред последних ясен сам собой. Правила: «не убий», «не укради», «не лги», «не насильничай», «не мошенничай» и т. д., предъявляемые к поведению людей, не суть измышления досужего ума или требования во имя каких-то трансцендентных задач, а представляют правила, необходимые для всякого здорового общежития. Общество, состоящее из убийц и прожженных мошенников, при всех его талантах, никогда не может быть процветающим и здоровым обществом. *Соблюдение, по крайней мере, минимума элементарных морально-правовых принципов есть такая же необходимость для экономического процветания общества (не говоря уже о духовном), как наличие хороших организаторов, предпринимателей и капитала.*

Всячески стимулируя развитие неантисоциальных сторон личности, среда должна тормозить наклонности преступные. Как это она может делать? Разными путями. И меньше всего полицейскими. Известное значение имеют и они. Но ограниченное. Они могут лишь

⁸ См. подробнее мою «Систему социологии». Т. II. С. 205-206. Вредные результаты современных хорошо организованных партий на Западе, с их программами в 3000 метров, пытающимися дать ответ на все вопросы, были не раз уже указаны (Острогорский, Р. Михельс, Г. Моска и др.). Они превратили личность в нуль, сковали и сковывают ее по рукам и ногам. «Во имя партийной дисциплины» требуют не критиковать, не сметь свое суждение иметь, быть манекеном, подчиняющимся центру, голосовать за того, кого партия укажет, думать, как ей угодно, хвалить и порицать, что она установит и т. д. И чем лучше партия организована - тем сильнее ее давление, тем резче «вместо воспитания свободы, она приучает к рабству», и тем сильнее жизнь в партии превращается в школу рабского подчинения. В итоге массы дурнеют. Живой дух партий заменяется партийным формализмом. Идеал партии падает. Все это еще больше применимо к русским партиям. У нас этот партийный фетишизм был сильно развит. Ослабление его, рост индивидуальности и внутрипартийной свободы, разрыв с партией, если она начинает связывать вас, - все это я считал бы весьма желательным.

бороться — и то в скромном масштабе — с последствиями болезни, а не с ее причинами. Сколько взяточников расстреливала и расстреливает Чека. И... никакого толку. Взятничество процветает.

Quid leges sine moribus?

Требуются иные меры и иные пути. *Они состоят в том, чтобы с первых моментов появления на свет ребенка окружающая его среда, в виде семьи, товарищей, школы и всего общества, неуклонно прививала ему надлежащие формы поведения и неуклонно тормозила у него всякие антисоциальные поползновения.* Такая систематическая «дрессировка» — лучший и неизбежный учитель морали. Признавая за ребенком права, необходимо столь же строго требовать от него и исполнения обязанностей. Если этого условия среды не будет, если в ней ребенок с первых лет жизни будет воспринимать уроки лжи, насилия, убийств, шакализма — не помогут никакие репрессии и никакое «попечительное начальство».

Quid leges sine moribus. Каковы будем мы сами — такими будут и молодые поколения. Если мы хотим их видеть морально здоровыми — такими должны быть и мы сами. Без этого все разговоры — бесплодное дело. Наш коммунистический опыт — лучшее доказательство сказанного. Людей думали сотнями декретов перевоспитать в пять минут. В ход пущены были все средства воздействия: агитация, печать, похвалы, награды, насилие, расстрелы, — словом, все, чем может располагать государство. Что же получилось? Результаты, обратные ожидаемым.

В этих целях громадное значение имеет ряд «бессознательно гениальных» институтов, имеющих в любом здоровом обществе, которые представляют весьма сложный и совершенный аппарат торможения злостных форм поведения. Среди них основное значение (*horribile dictu*) имеют *религия и церковь*. Можно быть не мистиком и признавать огромную положительную роль их в социальной жизни. Только для дилетанта-невежды этот институт — выдумка попов и средство для оправдания эксплуатации, только для них же сущность религии сводится к ее догматам и суевериям. Если бы дело обстояло так, то решительно непонятным было бы ни возникновение, ни столь долгое существование такого института: как абсолютно вредная вещь в силу естественного отбора, он давно уже должен был бы исчезнуть. И однако этого нет. Мало того. Мы видим, что страны передовые, напр[имер], Америка и Англия, не менее, а более религиозны, чем отсталые. Не буду здесь подробно доказывать, а просто укажу, что основная социальная роль религии была и есть роль сложного и весьма гибкого аппарата, тормозящего развитие антисоциальных поступков и стимулирующего поступки благожелательно-социальные. (Тезис этот убедительно обоснован такими социологами, как Фюстель де Куланж, Кидд, Дюркгейм, Бугле, Эллвуд и др.)⁹.

Иначе — она была (и остается) фактором, созидющим и поддерживающим человеческую солидарность. Такая работа необходима для всякого общества. В этом «секрет» упорно существовали религий с их «суевериями» до сих пор. Отсюда понятно, почему ослабление религии обычно является симптомом разложения данного общества, почему падение религиозности сопровождалось всегда подъемом преступности (как у нас в 1917-1920 гг.), почему подъем первой ведет к подъему «чистоты нравов» (как у нас сейчас наблюдается).

Только тогда, когда сама религия и ее представители вырождаются, когда она перестает играть эту роль, когда рядом с этим она становится душителем социального творчества во всех формах, — роль ее становится отрицательной, и сама она вместе с ее представителями обречена на гибель и замену ее другой, пригодной для выполнения этой роли. Только в таких случаях борьба с ней необходима. Вне их — нужна максимальная

⁹ См. подробнее об этом мою «Систему соц[иологии]». Т. II. С. 196-197, 431-432. См. также: *Ell-wood G.A. Reconstruction of Religion; Spencer M. The social function of the Church. 1921.*

осторожность в подрывании этого института. Вне их яркая борьба с церковью равносильна поведению крыловской свиньи, подрывающей дуб, желудями которого питается и живет общество. В наше время для России борьба с церковью, отделенной от государства, серьезно оздоровевшей, есть политика неумная и социально вредная. Для торможения разлившегося моря антисоциальных явлений одухотворенная религия нам сейчас так же нужна, как капиталы для возрождения нашего хозяйства.

* * *

Таковы вкратце основные рецепты для торможения антисоциальных явлений. Вместе с предыдущими они указывают, как и в каком направлении среда должна влиять, чтобы формировать настоящих людей, способных создать настоящее общество. Эти штрихи, при всей их краткости, раскрывают картину более сложную и более трудную, требующую активных усилий со стороны любого члена общества и не ждущую «чуда» от власти, «форм правления» или «других фетишей». Но если мы хотим жить, пора расстаться с этим оптимистическим фетишизмом. Он и так довел нас до... смертельной болезни.

Довольно...

Для процветания общества нужны не только наличность «биологического фонда» и полное развитие свойств и склонностей личности, но и соответствующее размещение этих лиц в сложной пирамиде общества. Нужно, чтобы каждая личность могла попасть и попадала на такое место в обществе, которое соответствует ее способностям и склонностям. «Беда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Бетховен, принужденный заниматься извозом, Ньютон в роли директора полиции, рядовой рабочий в роли Рембрандта, Бисмарк в роли поэта, акад[емик] Шахматов в роли переносчика бревен, не только не принесут никакой пользы себе и обществу, но положительно дадут вред. Их способности погибнут «зря», а навязанное им несоответствующее дело будет исполняться плохо. Между тем, при правильном распределении их, согласно их способностям, эффект будет резко иным. На месте, соответствующем его склонностям, каждый член общества даст максимум общественно полезной работы. «Каждому по его способностям», и особенно наследственным, — такова краткая формула этой мысли. Люди не равны и не одинаковы, прежде всего, по своим наследственным свойствам. Эти последние делают их пригодными для одних функций и непригодными для других. Этого различия не может сгладить никакая среда, никакое воспитание и обучение. Вот почему нет ничего нелепее, как часто высказываемая мысль, что потенциально все люди одинаково годны для выполнения любых функций, нужно лишь дать им надлежащее воспитание. Сколько бы ни учили человека, наследственно не музыкального, музыке, теории композиции и т. д. — из него не только Баха и Бетховена, но даже простого, приличного композитора вы не получите. То же применимо и во всех подобных случаях. Общество, в котором не существует этого распределения лиц по формуле: «каждому по его способностям», и особенно по способностям наследственным, будет неизбежно больным обществом.

Таланты его членов будут гибнуть бесполезно. Сплошь и рядом они будут проявляться в искаженном, социально вредном виде. «Прирожденные Наполеоны» станут отъявленными и гениальными мошенниками, «прирожденные властители» — заговорщиками и подпольными деятелями, великие изобретатели — неудачными и несчастными пьяницами, «рабы по природе» — бездарными правителями и т. д. Вся машина общества будет работать вяло, с перебоями, с трениями и конфликтами. Воцарятся бюрократизм, мертвечина и застой. Число несчастных и недовольных будет огромно, дух мятежа и бунтов будет царить. Кровавые судороги и конвульсии станут неизбежными.

Совсем иным будет общество, удовлетворяющее формуле: «каждому по его (наследственным) способностям». Социально-полезная эффективность работы каждого члена здесь максимальна. Максимальным будет поэтому и общий прогресс общества. Все оно будет похоже на прекрасную машину, где все части хорошо пригнаны, нет трений и перебоев. Она будет работать превосходно. Члены его, попав на свои места, будут субъективно довольными. Для бунтов, мятежа, кровавых конвульсий здесь нет почвы. В

таком обществе даже кровожадным склонностям человека можно найти социально полезное применение¹⁰.

Из всего сказанного следует, что все теории равенства, поскольку они исходят из принципа равной пригодности всех людей для всех функций, в том числе и функций властвования, и поскольку отсюда выводят равное право всех на занятие любого места, в том числе и места властителей, представляют сплошную нелепость, ничего, кроме вреда неспособную дать при попытках реализации.

Такого идеального общества мы пока не знаем в истории. Но разные общества, существовавшие и существующие, приближаются к нему в разной мере: в одних «каждому по его способностям» осуществлено в большей степени, в других — в меньшей.

Раз таково идеальное задание, то спрашивается: как его осуществить? Какими путями всего лучше узнать, кто к чему пригоден? И на основании каких критериев определять одних людей к выполнению таких-то функций, других — к выполнению таких-то, третьих — к выполнению иных?

Самым естественным и надежным путем был бы путь научного исследования способностей личности и на основании полученного биопсихического паспорта путь соответственного размещения их в обществе. К этому методу, как мы знаем, передовые общества и начинают прибегать все в большей и большей мере.

Прикладная «психотехника», разными методами исследующая личность, уже вошла в жизнь, особенно в Америке. При найме кондукторов, механиков, рабочих и т. д. целый ряд частных и общественных предприятий подвергают кандидатов психотехническому исследованию, и на основе полученных результатов принимают одних и бракуют других. В огромном масштабе этот путь был использован Соединенными Штатами Америки и в войну. Миллион с лишним людей был исследован, и на основании анализа определялись: одни в авиацию, другие — в артиллерию, третьи — в другие военные части. То же мы видим и при наборе работников в других профессиях.

Путь этот в принципе совершенно верный, кое-где и теперь уже он дает несомненные и полезные результаты. Обладай сейчас наука вполне надежными и точными методами «тестирования» личности и ее способностей, методами, гарантирующими от ошибок, — вся проблема решалась бы очень просто. Не нужно было бы ни шумихи, ни агитации, ни всей сложной процедуры, связанной с выборами или назначением того или иного лица, — вплоть до министра, президента, монарха, — на то или иное место. Вместо всего этого достаточно было бы заглянуть в «личную карточку» данного человека: она бы показала, годен или не годен он для этой роли, она же дала бы указания, к какой специальности готовить данного ребенка, на какую профессию назначить такое-то лицо и т. д.

Но, увы! — наука еще не может претендовать на такую безгрешность. Методы «анализа личности» и ее способностей (Бинэ-Симона, Джеркса, Мюнстерберга и др.) — еще очень примитивны, а для анализа сложных форм деятельности — почти не выработаны. Сколько-нибудь серьезный ученый — специалист в этой области — не мог бы взять на себя ответственность за безгрешность анализа и вообще безапелляционно определять людей на основании такого «тестирования». Если же какой-нибудь невежда это делает — ничего, кроме огромного вреда, он не приносит. В силу этого приходится пока что прибегать к другим, косвенным определениям способностей человека. Указанный научный метод остается лишь в качестве подсобного.

Основным принципом для определения способностей становится принцип *фактически проявленных талантов человека в данной области деятельности*. Человек, показавший себя талантливым организатором предприятия, молодой юноша, написавший научную работу, рабочий, изобретший какую-нибудь машину, мальчик, написавший хорошую повесть, и т. д. — одним фактом удачного выполнения ими своих работ дают надежное свидетельство их

¹⁰ См. подробности в моей «Системе социологии». Т. II. С. 176-177, 225-226, 406-407.

способностей в соответствующих областях деятельности. Это дает основание для определения их на соответствующие места — если они сами этого желают¹¹. То же с соответствующими изменениями применимо и к другим людям. Сложнее вопрос обстоит с детьми, которым, в силу их детства, труднее выявить их специфические склонности и таланты. Но и здесь внимательный родитель, педагог, исследователь при систематическом наблюдении их поведения может довольно точно уловить их специфические способности, а, уловив, стимулировать их развертывание, развитие и выявление.

Таков вкратце доступный нам косвенный путь. Для полной и правильной утилизации его требуется ряд условий, два из которых я укажу здесь же.

Первое из них состоит в том, что *принцип формального наследования социальных функций родителя детьми, как таковой, без его фактического подтверждения, не может быть признан целесообразным*. Хотя родитель, проявивший таланты в такой-то области, имеет шансы передать их детям (что часто и имеет место, вспомним семью Бернулли, Ротшильдов и т. д.), но не всегда. В силу неудачного «смещения крови» при браке, менделирования и т. д. мы видим и обратное: у гениального ученого, поэта, стратега, изобретателя сын часто бывает никуда негодной посредственностью, у прирожденного властителя — «холопом», у талантливого собирателя капиталов — мотом. Оставлять таких детей в той же роли, что и их родители, значит копить «болезнь» в общественном организме, — болезнь, которая при большом количестве таких негодных для выполнения их функций «белых ворон» превращает здоровое общество в «чахоточное» и приводит его к кровавым кризисам и конвульсиям.

Высшие формы общественной деятельности начинают выполняться плохо, в низах копится достаточно много талантов, которые не могут занять предназначенные для них места, ибо они заняты неспособными потомками способных родителей. Вся общественная жизнь расстраивается. Копится недовольство, «пар мятежа», который рано или поздно и вырывается наружу в форме восстаний и революций.

Таковы основания, заставляющие отвергнуть принцип формального наследования социальных функций родителей детьми. *Никаких «закрытых» дверей, доступность всех функций способнейшим*, — такова иная редакция той же мысли. Как технически ее осуществить — здесь не место касаться. Важно подчеркнуть общий принцип. Второе условие, необходимое для правильной реализации принципа: «каждому по его способностям», это *большее или меньшее равенство исходных позиций для жизненного бега и состязания*. Выше было указано, что «талантливыми» рождаются, что «порох хорошей наследственности» нередко вывозит их обладателей и помогает им преодолевать все препятствия. Но не всегда бывает так. Неблагоприятная среда, как я указал выше, может затормозить проявление талантов¹². Ньютон, родившийся среди ашантиев, был бы выдающимся ашантием, но без науки и среды английского общества не был бы гениальным ученым. Гениальный ребенок, родившийся без набитого кошелька у колыбели, среди нищеты и голода, далеко не всегда может пробиться. Часто он хиреет. Препятствия его убивают и обессиливают. Посредственный ребенок, оказавшийся в хороших условиях, может стать кинетически более «талантливым». Если же первый был бы поставлен в сколько-нибудь сносные условия, он на десять голов опередил бы второго, все его «десять

¹¹ Без [желания] или вопреки желанию авторитарное назначение абсолютно вредно. Поэтому величайшей бедой была бы система принудительного назначения и прикрепления людей к местам без их желания и опроса сверху, из одного центра. Каждый из нас даже сам долгое время не знает, к чему он способен, и в чем его призвание. Знать же миллионы людей и их призвание одному правительственному центру и определять деспотически их профессию сверху — не под силу даже архигениальному правительству.

¹² Герцен прав, говоря: «Сколько зародышей мрет, глохнет, не выдавши света, сколько способностей, готовностей вянут, потому что их не нужно».

«талантов» были бы реализованы к пользе его самого и всего общества. Короче, если бы они начинали «жизненное состязание» «с одного старта», в сходных условиях, результат был бы иным. Это значит, *для настоящего определена талантов все дети должны начинать «бег» с одного места, в равных условиях.* Только при таких обстоятельствах можно правильно решить: кто способнейший, только в этом случае опередивший может сказать, что он опередил по праву, «отставший» принужден будет мириться с «отставанием», ибо он отстал тоже по праву. *Только такое равенство «исходных позиций» справедливо и целесообразно.* Все другие требования «равенства» либо утопичны, либо, чаще всего, — несправедливы (ибо «лучших и способнейших» заставляют жертвовать в пользу «худших и неодаренных», равняя по низшему уровню), и сверх того — общественно вредны (ибо лучшие таланты заставляют зарывать в землю, пропадать зря, не реализоваться, отчего терпит и все общество).

Я знаю, что сейчас полное осуществление даже этого «равенства отправной позиции» недостижимо. По мере сил надо к нему, однако, стремиться. Минимум этого требования достигим и осуществлен уже и теперь, а именно: право каждого ребенка на необходимый минимум материальной и умственной его экипировки, нужной ему для «жизненного бега» и для выявления своих талантов. Каждый ребенок должен и может быть поставлен в условия, удовлетворяющие элементарным требованиям санитарии и гигиены, обеспечивающие ему физиологическую сытость, одежду и здоровую среду, с одной стороны, с другой, снабжающие его минимумом знаний, навыков, опыта, как «орудий» ждущего его «строительства жизни», как элементарной тренировки, необходимой для участия в жизненном состязании. На это может претендовать каждый ребенок. Это дать ему обязано и может любое общество. Чем разбазаривать сотни миллионов и даже миллиарды на войну, войско и многие другие непродуктивные и часто ненужные цели, будет гораздо целесообразнее десятки миллионов отпустить на это дело. Смею уверить, что такое помещение общественного капитала наиболее выгодно даже с чисто экономической точки зрения, через одно-два поколения оно принесет такие проценты, которые окупят с избытком весь расход.

Большевики, объявив бесплатное обучение, бесплатные колонии и бесплатное питание для нуждающихся детей, поступали в принципе правильно. Но, как мы знаем, они провозглашали много хорошего, дела же их были диаметрально противоположными. Их бесплатное обучение вылилось в полное уничтожение школ, «ликвидация безграмотности» — в «ликвидацию грамотности», воспитание — в подготовку преступников, обучение — в натаскивание митинговых фраз без знания таблицы умножения, колонии — в рассадник телесно и душевно исковерканных детей, питание — в мор и т. д. Необходимо не мнимое, а настоящее выполнение этих требований. Техническую сторону дела я здесь оставляю в стороне, но замечу, что, какова бы ни была организация такого «минимума», он весь должен быть проникнут теми же принципами индивидуализации, всемерного стимулирования личного почина, интереса, самостоятельности и торможения антисоциальных склонностей. При наличии этих двух условий принцип «каждому по его способностям» может быть в известной мере реализован. А его реализация означает реализацию здорового общества, наиболее способного развиваться и быстро идти по пути прогресса при соблюдении порядка без революционных и иных судорог и конвульсий.

Итак: 1) *сохранение и усиление уцелевшего в России положительного биологического фонда,* 2) *создание общественной среды, обеспечивающей максимальное развитие способностей каждого, стимулирующей развертывание его индивидуальных склонностей и талантов и тормозящей его порочные свойства,* 3) *размещение населения в социальной пирамиде по его способностям* - таковы три связанных друг с другом условия, необходимые для прочного возрождения России. Когда налицо этот «фундамент» — серьезное значение получают и все «надстройки». Без первого — эффекты вторых будут недолговечными и эфемерными. Из этих общих положений вытекает целый ряд конкретных выводов, части которых я кратко коснулся выше. «Врачи социальных болезней» слишком верят в спасительность внешних, чисто механических мер врачевания в виде замены одних декретов

другими, одних общественных институтов иными, одного «политического фасада» другим. И они же слишком мало обращают внимания на личность, на население, на улучшение биологических и культурно-социальных свойств последнего. Нет сомнения, что и первые имеют значение, но преимущественно там, где дело идет о разрушении препятствий, мешающих развитию (напр[имер], коммунистической власти в России). В деле же творчества и созидания новых форм общества — роль механических мер очень скромна и редко дает прочные результаты. Для хорошей игры великой и волнующей драмы, носящей название «История России», прежде всего, нужны «Божьею милостью» наследственные актеры. На их подбор, тренировку, на правильное распределение ролей, сообразно их талантам, — вот на что должно быть обращено главное внимание. Обстановка же, в которой они будут играть, хотя и имеет значение, но не такое, чтобы из-за нее забывать о первой задаче, что, к сожалению, часто у нас происходит. Без хороших актеров — декорации и «фасады» не спасут... Выправить эту однобокость — такова была задача написанных строк.